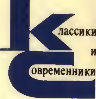
А.С.Пушкин

СТИХОТВОРЕНИЯ



Классики и современники

Поэтическая библиотека

А.С. Пушкин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
«Художественная литература»
1979

Р1
П91

Текст печатается по изданию:
А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах,
тт. 1, 2. М., «Художественная литература», 1974.

Предисловие
А. ТВАРДОВСКОГО

Художник
Г. КЛОДТ

П $\frac{70401-021}{028(01)-79}$ 27-79

СЛОВО О ПУШКИНЕ[1]

Говорить о Пушкине неимоверно трудно как раз по причине обманчивой легкости этой задачи. Казалось бы, чего же проще: кого же ты более знаешь и любишь, чем Пушкина, с той ранней поры, когда тебе еще куда слаще было слушать, как читают другие, чем читать самому.

Очень многим из нас вообще свойственно даже так полагать про себя, что, мол, уж кто-кто, а я-то понимаю и люблю Пушкина, как это никому не дано больше. Но именно это чувство чаще всего способно заставить нас высказать с горячностью первооткрывателя вещи, вполне ясные и даже тривиальные. А главное — в какой бы связи ты ни касался Пушкина, испытываешь такое волнение, как будто выступаешь в его присутствии.

Живая душа народа, неотъемлемая часть нашего сознания, можно даже сказать, часть самой нашей действительности, он заполняет собою наше воображение. В обстановке торжественного собрания, посвященного его бессмертной памяти, он и помимо всякой мистики правомочен явиться нашему внутреннему взору как бы и в своем живом человеческом облике.

Вот почему, между прочим, когда речь идет о Пушкине, не имеет, в сущности, значения — справляется ли дата рождения или смерти: это не именины и не поминки, а лишь повод для новой встречи с его поэзией и тем самым как бы и с ним самим во всем обаянии и блеске его ума и характера, его личности.

---

[1] Речь на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1962 года, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина.

Однако покамест ты как читатель общаешься с ним, ты чувствуешь себя легко и свободно, как редко-редко с кем еще из великих, и отнюдь не испытываешь подавленности близостью гения. Но как только ты пытаешься высказывать в связи с его именем хотя бы только частные суждения, расстояние между ним и тобой сразу резко дает себя знать.

Он и смолоду в кругу своих старших — и блистательных! — современников-литераторов уже был старшим и мудрейшим при всей его тогдашней, чисто моцартовской беспечности относительно собственного величия.

И, погибший в самом расцвете жизненных и творческих сил, он всегда оставался старшим и мудрейшим для всех его последующих учеников и продолжателей — корифеев заложенной им великой литературы, не исключая самого Льва Толстого, — для всех, насколько бы они ни пережили его годами. Таким же, конечно, он остается и ныне для всех нас, и даже чем-то еще большим, потому что Пушкин нашей поры больше, чем тот, которого знали наши предшественники.

В. Г. Белинский писал:

«Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества».

Эти вещие слова великого истолкователя пушкинской поэзии так совпадают с этапами судьбы этой поэзии, что кажутся написанными задним числом.

Действительно, Пушкин, пользовавшийся уже и при жизни безусловным признанием лучших людей своего времени и огромной по тому времени популярностью в обществе — от столичных аристократических кругов до захолустного армейского офицерства или чиновничества и даже «сидельцев лавок», — это еще вовсе не был тот Пушкин, который предстает нашей эпохе во всем беспримерном объеме своего национального и мирового значения.

Таким еще не был и тот Пушкин, который представлялся понятиям революционных демократов во главе с Чернышевским, отдававших щедрую дань признания художническому гению поэта, но все же, по условиям литературно-политической борьбы, иногда относивших к нему требования своей эпохи с излишним, может быть, ригоризмом.

И совсем далек, даже чужд нам тот образ Пушкина, который был нарисован Ф. М. Достоевским в его известной речи в дни открытия памятника великому поэту в 1880 году.

В непостижимом ослеплении предвзятой и насквозь ложной идеи о религиозно-мессианской роли русского народа Достоевский навязывал Пушкину «пророческую» роль провозвестника рабского смирения и покорности. Необычайно сильная по форме, эта речь, между прочим, показывает, как самому проницательному художнику может отказать его прозорливость, когда он подчиняет свои наблюдения фальшивой умозрительной схеме.

Какое там «смирись, гордый человек», когда главный пафос всей поэзии Пушкина и сама его жизненная судьба и трагическая гибель — образец мужественного непокорства, утверждение высокого достоинства человеческой личности. «Не токмо, что царю, ниже самому господу богу холопом быть не хочу», — как часто повторял он — насмешливый атеист и свободолюбец — этот гордый ломоносовский девиз.

И много еще чего было на пути Пушкина к нам или на нашем пути к Пушкину: и стремления представить его жрецом искусства для искусства; и вульгарно-социологические «исследования», принижавшие его до представительства «классовых интересов» поместного дворянства; даже призывы «сбросить Пушкина с корабля современности»

Все это позади.

В более чем столетней борьбе лучших наших людей за Пушкина сама его поэзия, конечно, не стояла в стороне. Она всей силой своего художественного обаяния прокладывала себе дорогу к народу, к большому читателю, к своему нынешнему месту в духовной жизни нашего общества.

И когда преграды, стоявшие на этой дороге поэта к народу, — нищета, бесправие и невежество масс — были сняты Октябрьской революцией и последующими десятилетиями хозяйственного и культурного строительства великой социалистической державы, тогда-то и увиделось всеми воочию: что это, в сущности, за чудо такое — Пушкин!

В свое время Тургенев, осторожно, с оговорками называя Пушкина национальным поэтом, между прочим, подчеркивал отличие этого понятия от понятия — народный поэт.

«Но... какой же великий поэт, — говорил он, — читается теми, кого мы называем простым народом? Немецкий простой народ не читает Гете, французский — Мольера, даже английский не читает Шекспира».

Но сам Пушкин за добрых полвека до этой речи Тургенева решительно не мирился с такой судьбой поэта и с болью видел ее противоестественность и ущербность. Вот один из недоработанных набросков:

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
. . . .
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гонимый слугами,
Поодаль слушает певца.

И в наши дни от иных современных западных писателей мне самому приходилось слышать суждения, сходные с теми, какие высказывал в давние времена Тургенев:

— Чтобы поэзия была доступна миллионам — этого не было и не может быть!

Но мы думаем, что не только может, но в идеале так только и должно быть, чтобы настоящая поэзия была достоянием миллионов. Мы считаем преходящим, отживающим это противоречие между национальным значением поэзии с ее недоступностью широким массам читателей этой нации. Такое «величие в себе»,

величие, замкнутое кругом немногих ценителей и знатоков, — неполное, как бы еще не осуществившееся величие.

Поэзия Пушкина всей своей исторической судьбой неопровержимо подтверждает это наше убеждение. Подобная неполнота величия для поэзии Пушкина уже в прошлом. В нашу советскую эпоху Пушкин стал тем, для чего был предназначен историей. Основоположник и родоначальник великой литературы, мировое значение которой уже давно так несомненно и прочно, художник, творческий гений которого не пытаются преуменьшить даже противники, — ныне самый популярный, любимый и чтимый поэт великой многонациональной страны, что являет собою факт слияния одного из вершинных достижений художественной культуры человечества с социализмом и коммунизмом.

Это факт такой же несомненности, как факт государственной, общенародной собственности на землю и средства производства в нашей стране, как факт уничтожения эксплуатации человека человеком, как факты нашей победы над фашистской Германией, возведения волжских и сибирских гидроэлектростанций и наших успехов в освоении пространств за пределами земной атмосферы.

Ни один из мировых классиков не занимает такого места в современной духовной жизни своего народа, как Пушкин.

Мы можем сказать, что кое-что и в Пушкине уже по праву принадлежит времени, составляет интерес скорее исторический. Но разве время не удержало за собой куда большую долю наследия поэтов, отстающих от нас по хронологии намного меньше, чем Пушкин? Феноменальность Пушкина, между прочим, и в том, что он просто не умел плохо писать: даже ранние, подражательные его стихи выполнены на уровне, а чаще выше тех средств, которыми располагала к тому времени русская стихотворная культура.

Да, и в Пушкине время выделяет его нерушимый пушкинский золотой запас, который, правда, не так легко исчислить: ведь это не только «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Медный всадник», шедевры любовной и философской лирики, маленькие трагедии, сказки, «Капитанская дочка» и другая его проза, но и

критические статьи, и очерк путешествия, и исторический очерк, и еще бог весть сколько чего, не исключая и блистательных образцов эпистолярного жанра.

И все эти богатства поэзии Пушкина дошли до нас в полной сохранности, не утратив своей живой покоряющей силы.

Эта сила — высокая и светлая сила его поэзии, человечность дум и чувств, пушкинский гуманизм, по праву унаследованный ныне гуманизмом социалистическим.

И не удивительно, что новая Программа нашей партии, написанная на языке, которому в литературе такую славную жизнь сообщил гений Пушкина, самыми памятными, как бы предназначенными для нанесения на камне, своими словами перекликается с наиболее памятными для нашего слуха «скрижальными» строками Пушкина.

С какой волнующей новизной приходят на память и с первоначальной полнотой смысла звучат ныне эти со школьной скамьи затверженные и тысячекратно повторенные строки:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

«Жестокий век» еще не покинул нашей планеты, он, может быть, еще более изощрен в своей бесчеловечности. чем в пору Пушкина. Во всяком случае, он оснащен куда более мощными, чудовищными средствами проявления своей жестокости. И может быть, никогда еще это простое словосочетание «чувства добрые» не имело такой полноты выражения, не могло быть осмыслено людьми в такой мере, как в наши дни борьбы «добрых чувств» с чувствами недобрыми, бесчеловечными.

Притом мы не можем не знать, что и жестокость, и насилие, и варварство, и человеконенавистничество — по странной необходимости — всячески стремятся обрядиться в тогу как бы некоего «геройского», «романтического достоинства». Они тоже хотят выступать в красках, звуках и словах искусства и поэзии.

Точно так же и всякий эгоизм, и душевная гнилостность, и своекорыстие, и низменная животность хотели бы предстать миру в формах искусства особой усложненности, якобы не всем доступной, но правомочной, как самая сокровенная суть вещей.

Ничему подобному нет места в ясиой, благородиой, мужествеииой и человечиой поэзии Пушкииа. Более того, она — лучшее противоядие против тлетвориых аитигумаиистических веяиий иекоторых явлеиий совремеиного, называющего себя сверхреалнстическим искусства. Оиа и лечит и учит здоровью, ясиости взглядов, той «верховной трезвости ума», о которой говорил Гоголь, размышляя о «существе русской поэзии».

Нам иезачем навязывать поэзии Пушкина коммунистическое содержание, выискивать и подбирать разбросанные у иего тамсям идейно-смысловые совпадеиия с иашими взглядами и понятиями. Пережит и оставлен далеко позади период претеизий к его героям с точки зреиия их иесоответствия представлениям поздиейших революциоиных эпох. Пушкии пришел к нам и всенародно принят нами таким, какой он есть, в оргаиически целостном звучаиии его поэзии. Что из того, что его Евгений Онегии — как типическая фигура своей эпохи и своей среды — так далек от иашего идеала: разве это умеиьшает иепреходящее значение «энциклопедии русской жизни», создаиной Пушкииым?

Разве ограничивается идейио-художествеиное содержаиие и зиачение одного из самых известных произведений политической лирики Пушкина «Клеветникам России» тем, что непосредственный повод его — польское восстание 1830—1831 годов? Как раз эту тему в нем уже нужно искать, разгадывать, это лишь историческая частность его содержания, — главное то, в чем нестареющая сила его: высокопатриотический пафос любви к родиие и веры в ее могущество, отзвук событий Отечественной войны 1812 года, великолепный, поистине державный образ родины:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Вспомним, с какой воодушевляющей силой звучали эти строки в дни нашей Великой Отечественной войны, которая велась за освобождение народов от гитлеровского нашествия.

Пушкин помогает понять, что содержание подлинного произведения искусства вообще редко исчерпывается тем, чем оно, это содержание, занято по видимости, по сюжету или теме, но еще имеет свои глубинные слои, которые не вдруг и обнаруживаются.

Для нас наследие Пушкина обладает высочайшей эстетической и этической ценностью. Оно является нерушимым основанием нашей литературы, которая оказала самое непосредственное влияние на развитие общественной мысли и революционных идей в России, и не только в России. Ее исключительно сосредоточенный интерес к человеку во всех сложностях его общественного бытия, ее страстная проповедь понятий справедливости и человеческого достоинства заставили одного из самых крупных западных художников XX века Томаса Манна с благоговением назвать ее «святой литературой».

В Пушкине начало того реализма русской литературы, которому впоследствии выпала такая большая историческая судьба. Пушкин как бы вобрал в себя весь реализм русского народного взгляда на жизнь, его «живописный способ выражения и веселое лукавство ума», говоря словами самого поэта. Его поэзия дорога нам тем, что ничто человеческое ей не чуждо, потому что коммунистическое — это и есть человеческое, только не мнимое, а подлинное, освобожденное от всего того, что мешает ему явиться во всей своей красе и жизненности.

Власть музы Пушкина над эстетическими вкусами и симпатиями миллионов людей всех поколений нашего общества так обширна и велика, что характеризовать ее можно, пожалуй, лишь при помощи слов, хотя и прикрепленных в последние годы исключительно к известным отрицательным явлениям, но совсем по-дру-

гому звучащих в данном случае, — культ Пушкина. Я не говорю: культ личности Пушкина, потому что его личность — это его поэзия, и наоборот, его поэзия — это его необычайная по силе творческого взлета личность.

И да будет жив этот светлый дух любви к поэзин Пушкина, ее благоговейного почитания среди нас как символ нацнональной гордостн, как знак высокого достоинства народа — культ, последствия которого были и будут только благотворными и прекрасными.

Но особо важным и поистине беспрецедентным обстоятельством является то, что Пушкнн — любимый, читаемый и почитаемый поэт не только среди своего родного русского народа, но и среди многочисленных братских народов Советского Союза. Въяве нсполнились понстине пророческне слова ноэта, и его называет своим поэтом «всяк сущнй» язык его многонацнональной родины.

Русский язык, так много обязанный свонм развитием Пушкнну, стал языком межнационального общения всех советских народов — идет ли речь о тех из них, которые обладают своей развитой в веках культурой и литературой, или о тех, что лншь в ходе социалнстической революции обрели свою пнсьменность. Такая роль русского языка, создание и мощное развнтне которого неотрывно от Пушкнна, — это глубоко примечательное явление нашей социалистической культуры.

Но, разумеется, обладание такнм богатством, как пушкннское наследие, не только предмет нашей законной гордости, — оно ко многому и обязывает.

Торжественная обстановка собрания как бы исключает возможность отвлечения от темы собственно Пушкина в сторону наших сегодняшних забот н вопросов. Но я не могу уклоняться от этого, хотя бы и в нарушение традиций юбилейно-академнческого жанра. Ведь речь идет о делах всенародного значення и вместе с тем о том, что так близко и дорого для каждого из нас, любящих наш родной велнкий язык, нашу советскую литературу, верящнх в ее силы, в ее большое будущее.

И пусть этот разговор идет, так сказать, в присутствии Пушкина, которого мы считаем не святыней, отдаленной от нас своим величием, но живым и действенным участником в решении наших нынешних дел.

Мы не можем не испытывать тревоги за чистоту и выразительную силу современного русского языка, хотя я вовсе не отношусь к тем ревнителям чистоты языка, которые желали бы наглухо оградить его от вторжения новых форм и новых слов, порождаемых жизнью.

От времени до времени наша печать поднимает вопрос о языке, о пагубном вторжении в его состав уродливых канцелярских словообразований и оборотов речи, об утрате многих достоинств нашего языка в повседневном обиходе, о смешении его форм с ннонациональными или введении в его состав слов и словечек, чужеродных ему.

Но сама печать в своей ежедневной практике, к сожалению, проявляет порой беспечность относительно языка, узаконивая грубейшие нарушения его норм и правил, не говоря уже о том, что она, изо дня в день повторяя одни и те же стершиеся, невыразительные словосочетания, обходясь как бы нарочито для нее сокращенным, «портативным» словарем, до крайности обедняет, нивелирует и засоряет язык.

Богатство нашего великого языка в какой-то мере под угрозой загрязнения, оскудения и трудновосполнимых потерь, как и наши природные богатства. И подобно тому, как ставятся вопросы об охране лесов, речных и озерных вод, вопрос об охране языка должен встать в государственном масштабе.

Вспомним, что В. И. Ленин в самом начале революции уже ставил задачу создания словаря классического современного русского языка «от Пушкина до Горького».

Язык нашей художественной литературы отражает те общие прискорбные явления в языке, о которых речь шла выше. Многие произведения нашей литературы, принадлежащие перу отнюдь не только авторов первой книги, страдают, прямо сказать, безъязыкостью. Они настолько неразличимы между собою в языке, что,

кажется, в ннх можно переставлять, переносить из одного в другое целые абзацы и страннцы, — они взаимозаменяемы, подобно запасным частям сернйных машин.

Наша проза н поэзня прошли пернод увлеченнй стилизаторством, перенасыщеннем языка местными, областническими речеииями, формалнстическим словотворчеством. Это, конечно, было не добро. Но не добро и нынешняя скудость, сглаженность н обезличение языка, которые прнходят как бы в порядке «очищения» его и часто при чтенин оригинального пронзведения рождают впечатленне какого-то перевода.

Скудость языка, однообразие, боязнь соступить с проторенной стежки, самоограннченне в пределах привычного ряда слов н построений фразы — все это не может не сказываться на смысловом наполненни произведения, то есть на его содержании.

Чем меньше слов в словаре писателя, чем заношеннее н невыразительнее они, тем больше идет их на выражение самой незамысловатой идеи н тем более нарушается прекрасный пушкинский завет сжатостн нзложения, наполнения мыслью каждой строкн.

Взятие Белогорской крепости, казнь ее защнтннков, помилование Гринева, трехчасовая церемония принятия Пугачевым присяги — все это заннмает две-три страннчки малого формата и не оставляет у нас нн малейшего ощущения неполноты нли скомканностн картины.

А мы толкуем о факторе времени, охотно вспомннаем выражение «краткость — сестра таланта», но за малыми нсключениямн все продолжаем создавать «эпопен», объем которых чаще всего объясняется тем, что автор не в силах свестн концы с концамн. Ссылаться на «Войну н мнр» в этом случае могут лншь забывающие о том, что «Война н мир» — одно нз самых сжатых произведеннй мировой литературы.

Усвоив бог весть кем преподанный принцнп, согласно которому художннк, мол, «ие рассказывает, а только показывает», наши писатели, особенно это касается молодых, решительно нзбегают пользоваться таким мощным средством изображения, как

авторская речь, и тем самым утрачивают мастерство собствеиио повествователя, рассказчика. И это опять же ведет к разжижеиию, к длиииотам, к вспомогательиым диалогам, иазначеиие которых едииствеиио в том, чтобы ввести читателя в простейшие обстоятельства дела.

Пушкии, как иикто владевший живым и неприиуждеииым диалогом даже в стихах, иередко вовсе обходился без иего в прозе, и, одиако, оиа своим лакоиизмом и емкостью восхищала всех старших богатырей поздиейшей, высочайшим образом развитой русской прозы.

Когда говоришь о Пушкине, то как-то даже неловко употреблять слово «мастерство», больше подходило бы «волшебство», хотя мы хорошо зиаем, какого неусыпного, подвижиического труда стоило этому «любимцу муз» потрясающее иас совершенство его созданий. Совершеиство — это ие что иное, как поразительиое по своей живой оргаиичности слияние формы и содержаиия. И поразительиое в своей иормальиости.

Но ведь гений — это, как говорится, и есть иормальио развившийся разум, то есть то, что и должио быть, чему и удивляться ие иадо, а удивляться бы иадо как раз иегеиию, то есть иенормальио, иеполио, одиобоко развившемуся разуму.

Таким имеиио — в его естествеииости и иормальиости — представляется иам геиий Пушкииа, осозиаем мы это или ие осозиаем.

И когда мы воспринимаем самые совершеииые его создания, то поистиие трудно представить, что оии иаписаиы, то есть составлеиы из строк и слов, существовавших врозь и только волею художиика привлечеиных и расставлеииых в таком-то строе. Нет, эти произведеиия кажутся иам как бы существовавшими в таком же виде в самой жизни, в природе и целиком взятыми оттуда.

Действительио, как трудио представить себе такое время в развитии иашего национальиого самосозиаиия, когда у русского общества ие было «Евгеиия Оиегина». Кажется, что этот ромаи в стихах всегда существовал во всей целостиости иациоиальиого содержаиия и формы и только до поры ие был иам известеи.

Точно так же нам трудно представить себе, чтобы на свете не было таких единственных в своей незаменимости для нас даров его лирики, как, скажем, «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Пророк», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...», «Что в имени тебе моем?..».

Впрочем, пытаться напомнить хотя бы одной строкой хотя бы некоторые из десятков этих маленьких шедевров Пушкина — дело тоже неловкое: предпочесть одно другому здесь бывает трудно и просто невозможно.

Лирика Пушкина — высшее выражение благороднейших человеческих чувств, возвышенной дружбы и любви, понятий бесконечной ценности жизни и мужественного взгляда на ее быстротечность, на горечь любых утрат и испытаний. Для Пушкина мир не кончается вместе с уходом из него отдельной «моей» личности, как это на разные лады утверждает позднейшая лирика известного толка. Его душа не менее, чем настоящему, принадлежала будущему, порывалась к нему, он жил в своем времени. со своими современниками, своей средой, но как бы и с другими поколениями, и живет с нашим, и будет жить с теми, что придут нам на смену.

Из всего наследия Пушкина, может быть, именно его лирика самым ближайшим образом соприкасается с нашим днем, с нравственной и эстетической потребностью наших людей, в первую очередь нашей молодежи.

И это весьма печально, что богатство чувств и настроений лирической поэзии Пушкина как бы не коснулось, не оказало заметного воздействия на иных наших молодых поэтов. Я не считаю возможным подходить к ним с мерой поэзии Пушкина — этой мере никто из нас в отдельности не может предстать.

Когда говорят о гражданственности поэзии Пушкина, часто упускают из виду, что гражданственность у него неотрывна от понятия высокого назначения поэзии как искусства.

Это вовсе не одно и то же, что способность «отозваться» на большой спрос времени кое-как сколоченными строчками, вся «гражданственность» которых целиком помещается в соответствующем заглавии.

Вообще говоря, беда нынешней поэзии, при несомненных ее, как и всей литературы, достижениях, — беда эта чаще всего состоит как раз в ее идейной бедности, в скудости поэтического содержания, попросту в недостатке мысли.

В одном характерном случае эта недостаточность пытается укрыться за щитом из высоких гражданственных слов, не прогретых, так сказать, на собственном огне.

В другом характерном случае эта же самая недостаточность стремится оснастить себя мелкотравчатой проблематичностью, украсить себя узорчатостью формы, выдаваемой за новаторство, которое на поверку является не более как эпигонством.

И я позволю себе еще одно заметить в отношении наших молодых поэтов, так ли сяк порывающихся к своеобразию, ищущих новых форм выражения и еще так легко поддающихся соблазнам дешевой моды, но все же хороших и одаренных людей: они мало знают Пушкина. Они «проходили» его по школьной или институтской программе и считают, что «прошли» его. Но Пушкина «проходить» нельзя в общем порядке. К нему у каждого из нас отдельный путь. Они еще не прочли Пушкина для себя. Кажется, что они не прочли еще по-настоящему даже его любовной лирики, хотя тема любви в их собственных стихах занимает, естественно, большое место.

Любовная лирика Пушкина доступна, но и сложна: она может быть и предельно нежной, и младенчески чистой, и рыцарски возвышенной, и плотски страстной, и озорной, и даже фривольной, чтобы не сказать более, но она никогда не может быть пошлой. Наши лирики, к сожалению, нередко ступают на эту запретную грань поэзии.

Нельзя, конечно, применять к этой нашей литературной молодежи и меру пушкинской мысли, образованности, высочайшего художественного вкуса. Но можно и должно указать ей, что она

как-то мало озабочеиа тем, «чтоб в просвещении быть с веком иаравие». Создается впечатлеиие, что оиа мало читает, довольствуется «наследием» близлежащим, заветы великой поэзии усваивает из вторых рук. Отсюда — опять же — удручающая иемощь содержаиия, узость взгляда иа общенародиую жизнь во всей ее сложности и как следствие — иекая иифантильиость, отсутствие той взрослости, какая Пушкину была присуща смолоду.

Пушкинский образец обязывает и к соблюдеиию достоинства формы. Можно, например, стремиться к расширеиию возможиостей рифмовки, ио когда рифмующие слова висят иа одиой ниточке еле уловимого созвучия, то это, вроде плохо пришитых пуговиц, производит впечатление простой иеряшливости.

Хочется сказать этим поэтам просто по праву несколько большего литературного опыта: учиться иевозбраиио ии у кого, зиать нужно все образцы, хотя бы и отмеченные особой усложиеииостью формы. Но учиться у Пушкииа — куда труднее: тут экзамен строже, спрос больше.

Идите каждый своим путем — большим или малым, — кому какой на роду иаписаи, ио ие мииуйте первоисточиика, «иачала всех иачал», как выразился А. М. Горький, — ие мииуйте Пушкииа, чтобы ие обидеть самих себя.

Мие и моим сверстиикам иногда кажется, что в пору иашей ранией юиости, при иаличии таких сильиых современиых ее увлечеиий в поэзии, как Есении и Маяковский, Пушкии все же занимал большую часть иашей души, чем у молодежи ныиешней. Ои был у нас на устах, мы читали его друг другу иа память и по книге, без него ие обходились наши споры о современиой поэзии, хотя, коиечно же, в ту пору — в конце 20-х или иачале 30-х годов — наши эстетические взгляды и пристрастия ие могли иметь такой широты, как сейчас.

Может быть, это, как говорится, «чисто возрастное» представлеиие. Дай бог! Но что-то здесь ие может ие внушать иам беспокойства и иекоторой тревоги.

Спору иет, что в сближеиии Пушкииа с современиостью, с иынешним и завтрашним поколеиием наших людей огромиая

роль приiадлежит школе. Мы миого говорили и говорим о трудио искореиимых в практике преподаваиия литературы приемах педагогической догматики и формализма. Не хочется еще раз попрекать этим преподавателей литературы и родного языка — их работа трудиая и далеко не всегда благодарная — тем более, что среди иих немало подлиииых мастеров своего дела, энтузиастов, влюблеииых в родиую литературу и умеющих заражать этим чувством своих учеииков. И ие иужно забывать, что если иные из иих плохо преподают свой предмет, то их имеино так учили это делать, да и продолжают учить в методических иаставлеииях и статьях, где все еще чаще всего дело сводится к «разъятию музыки, как трупа, к поверке гармоиии алгеброй».

Несомиеиио одио, что только истиниая любовь преподавателя к своему делу, к родиой литературе и языку способиа по-иастоящему приобщить созиаиие учащихся к этим сокровищам, в первую очередь к Пушкину.

Важиейшее здесь, иа мой взгляд, воспитаиие эстетического восприятия поэзии Пушкиа. Может быть, ие обязательио иачинать зиакомство с Пушкиным с его знаменитой «Деревии», хотя в ией уже звучит предвестие музы Некрасова, и с оды «Вольиость», хотя для своего времеии она была своеобразным манифестом декабристских идей, вериость которым Пушкии пронес через всю свою творческую жизнь. Дело просто в том, что известная риторичиость стиля и архаичиость языка этих раииих стихотвореиий затрудияют иепосредствеиио эстетическое восприятие их школьииками.

Может быть, знакомство с Пушкииым лучше было бы иачинать ие с иачала, а с середины, с его самых зрелых и иеотразимых по своей иепосредствеииой силе творений.

Все это говорит неспециалист и без всяких попыток сделать какие-либо «открытия», но человек, как миогие из нас, искреиие озабочеииый тем, каким достается, чем будет Пушкин для тех, кому предстоит ие только дожить до коммуиизма, ио и долго жить при ием, а без Пушкииа коммунизм был бы в существеииой части иеполои.

Наследие Пушкина труднообозримо — это не одинокая, хотя бы и величественная, горная вершина, но мощная горная цепь со многими вершинами и бесчисленными отрогами.

Но в то же время оно, это наследие, всегда рядом с нами и в нас самих.

Пушкиным внушены нам на всю нашу жизнь незаменимые живые образные представления не только об эпохе, в которой он жил, но и о многих других эпохах отечественной истории — Пугачева, Петра, событий так называемого Смутного времени на рубеже XVI и XVII веков и еще более древних времен. Так же свободно и по-хозяйски он вводит нас в другие страны, в духовный мир, в поэзию иных народов с их особливым национальным и историческим складом и своеобразием их культур.

Эти наши представления не могут быть оттеснены или заслонены ничем, — как бы мы ни углублялись в изучение этих эпох, сколько бы ни прочли книг, посвященных им, — здесь всегда перед нами будут вставать пушкинские опознавательные вехи на путях народной жизни во всем ее величии и трагизме.

Теперь я приведу полностью ту цитату из Белинского, с которой я начал свое изложение и которая обычно только так, наполовину, и приводится. Вслед за словами о том, что Пушкин принадлежит к вечно живущим и развивающимся явлениям, продолжающим и после смерти того, чьим именем они обозначены, развиваться в сознании общества, идут такие слова:

«Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего».

Мне кажется, что нас не должны смущать эти слова, не нужно усматривать в них то ли идею непознаваемости Пушкина, то ли какой урон для нашей эпохи, которой будто бы отказано в праве дать окончательное и исчерпывающее истолкование творчества великого поэта. Ни того, ни другого не содержится в этих словах. В них лишь утверждается, что подлинно великие создания гения в искусстве обладают бесконечно долгой жизнью для человечества.

Вспомиим слова Маркса об античиом искусстве, сохраияющем и через тысячелетия «значеиие нормы и иедосягаемого образца».

Авторитета иашей эпохи не убудет от того, что оиа, отнюдь ие считая ыиыешиие суждеиия о Пушкиие «истиной абсолютной», предоставит и другим времеиам выиосить свои суждеиия о его геииальном творчестве, — оии будут лишь продолжеиием и развитием тех эстетических и этических идей, которые заложеиы в этом творчестве.

Нам невозбраиio вместе с восхищеиием и почитанием высочайших образцов искусства прошлых времеи мечтать о создаиии силами творческого духа свободиых иародов иовых могучих произведеиий искусства, достойиых встать рядом с шедеврами прошлого, через века простирающими иа иас свое очарование.

Коммуиизм отвергает пессимистическую идею конца искусства, его иесовместимости с иаучно-техическим прогрессом.

Не о науке и техиике самих по себе здесь должиа идти речь, а лишь о том, иа что обращеиы их средства в совремеииом мире, чему оии служат. Господству ли меиьшиинства иад большиинством или развитию творческих сил народов, освободившихся от капиталистического ярма? Подготовке ли иовой войны, иесущей угрозу всей человеческой культуре и цивилизации, или Миру, Труду, Свободе, Равеиству, Братству и Счастью людей, тому будущему, которое составляет иеугасимую мечту человечества, тому грядущему,

Когда иароды, распри позабыв,
В великую семью соединятся...

Море ие перестало быть морем с той поры, как его волны бороздятся кораблями с мощиыми совремеииыми двигателями. Небо не перестало быть иебом с тех пор, как в ием проложили свои трассы совремеииые воздушиые и даже космические корабли, как луна не перестала быть луиой с того времени, что иа ией иаходится советский вымпел.

Мир может и должеи быть еще прекраснее при осиащеиии его средствами иаучио-техиического геиия человечества. Этот геиий

вовсе не противостоит сам по себе гению искусства. И там и там в конечном счете господствует человеческий разум.

Человеческий разум, основу гуманности, противопоставляем мы в нашей борьбе безумию, самоубийственной слепоте, человеконенавистничеству старого мира и вместе с Пушкиным провозглашаем:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Ныне обретенный нами Пушкин — живая и действенная сила, могучий фактор развития нашего советского искусства и литературы, всей нашей многонациональной социалистической культуры. Ныне мы все более постигаем поэзию Пушкина как бессмертное общенародное духовное достояние.

И мы, советские литераторы, видим в Пушкине своего великого учителя, высокое мерило художественных ценностей, основу нашего эстетического кодекса, надежнейшую опору в наших поисках и стремлениях.

Призыв к разрыву с пушкинскими традициями или, наоборот, призыв «назад к Пушкину» — все это уже не более как достояние истории.

Вместе с Пушкиным — вперед, к новым и высшим достижениям культуры коммунизма!

А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони браиью пышут,
Усеяи ратиками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышат,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозиый пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает браиь; иа холмах гром гремит,
В сгущеиином воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь иа щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит иадмеииый галл;
Но сильного в боях небесиый вседержитель
Лучом последиим увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородииские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! иа башиях галл кремля!..

Края Москвы, края родиые,
Где иа заре цветущих лет
Часы беспечиости я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизиы!
И вас багрила кровь и пламеиь пожирал!
И в жертву ие прииес я мщеиья вам и жизии;
Вотще лишь гиевом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалииы теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак уиылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламеиь истребил. Венцы затмились башеи,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней нощи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

1814

ЛИЦИНИЮ

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые, и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.

О Ромулов народ, скажи, давио ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклоиились.
Кому ж, о иебеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизие стыд моей,
Развратный юиоша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь!.. О стыд, о времеиа!
Или вселеииая иа гибель предана?

Но кто под портиком, с поиикшею главою,
В изорваииом плаще, с дорожиою клюкою,
Сквозь шумиую толпу нахмуреииый идет?
«Куда ты, иаш мудрец, друг истиины, Дамет!»
— «Куда — ие зиаю сам; давио молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство иеиавижу».

Лицииий, добрый друг! Не лучше ли и иам,
Смиреиио поклоиясь Фортуне и мечтам,
Седого цииика примером иаучиться?
С развратным городом ие лучше ль иам проститься,
Где все продажиое: закоиы, правота,
И коисул, и трибуи, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытиость других в иаемиу ловит сеть!
Нам стыдио слабости с морщииами иметь;
Тщеславиой юиости оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдиый Клит, слуга вельмож Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатиых к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римляиии; кипит в груди свобода;
Во мие ие дремлет дух великого иарода.
Лициний, поспешим далеко от забот,

Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возжженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

1815

ГРОБ АНАКРЕОНА

Всё в таинственном молчанье;
Холм оделся темиотой;
Ходит в облачном сиянье
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишиие;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизиь, увы, ие вечный дар!»
Здесь, подняв иа лиру длаии
И нахмуря важио бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы и хариты
В гроб любимца увели;

Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

1815

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты младой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Все то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынну сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,

Не жажду горы серебра,
Не знаю *завтра,* ни *вчера,*
Доволен скромною судьбою
И думаю: «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукны Альбиона
И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Какая нужда в зеркалах?
Не лучше ли в деревне дальней,
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть?»
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона
И глухо тополы шумят, —
Туда зарею поспешаю

С смиреииым заступом в руках,
В лугах тропиику извиваю,
Тюльпаи и розу поливаю —
И счастлив в утреииих трудах;
Вот здесь под дубом наклоиеииым
С Горацием и Лафоитеиом
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседиих рощах и лугах.
Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол иакрыт;
Хлеб-соль иа чистом покрывале,
Дымятся щи, виио в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумиою толпою
Взошли, прервали тишииу,
Садятся; чаш виимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помоиу
И с иими красиую весиу...

Вот кабииет уедииеиный,
Где я, Москвою утомлеииый,
Вдали обмаичивых красот,
Вдали иахмуреиных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу иемолчиую гремит,
И — помиится — зовется Славой, —
Живу с природиой простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...
Вот мой камии — под вечер темный,
Осенней бурною порой,

Люблю под сенью укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...

Вот здесь... но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сиянье
Гусар промчался под окном...

И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...

Трепещет бранью грудь моя
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата.

Мой коиь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юиошу в боях!
Там свищет саблей ои зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой иа плечах
И молча преклоиясь ко гриве,
Ои мчит стрелой по скользкой ииве
С цигарой дымною в зубах...

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Воеииой славою забытый,
Спешу в смиреииый свой приют;
Нашед иа поле битв и чести
Одии болезии, костыли,
На век оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачиой дали
Мой тесиый домик, рощи темиы,
Калитку, садик, ближиий пруд,
И сиова я, философ скромиый,
Укрылся в милый мие приют
И, мир забыв и им забвеиый,
Покой души вкушаю виовь...

Скажи, о сердцу друг бесцеииый,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечиой
Брели по розам дии мои;
В иевиииой ясиости сердечиой
Не зиал мучеиий я любви,
Но быстро деиь за дием умчался;
Где ж детства раииие следы?

Прелестный возраст миновался,
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыхаиьем тихим ветерка,
И в беспокойстве иепонятиом
Пылаю, тлею, кровь горит,
И все языком, сердцу виятиым,
О иежиой страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красиых детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?
Везде со миою образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуиочи уиылой,
В часы дейиицы золотой.
То на коице аллеи темиой
Вечерией, тихою порой,
Одиу, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан ие покровеиный,
Твой взор, иа груди потуплеииый,
В щеках любви стыдливый цвет.
Все тихо; брезжит луниый свет;
Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальиие ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо спящею волиой,
Осеребреииою луиой.
Одна ты в рощице со миою,
На костыли мои склонясь,

Стоишь под ивою густою;
И ветер сумраков, резвясь,
На сиежиу грудь прохладой дует,
Играет локоиом власов
И иогу стройиую рисует
Сквозь белосиежный твой покров...
То часом полиочи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимиею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы саии; мрак густой;
Все спит, один лишь я тоскую,
Зову часов леиивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шепот слышу сладкой, —
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обияла.
Помчались коии, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в сиежиой глубине,
Прижалась робко ты ко мие,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства оиемели...
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сие...

В отрадиой музам тишиие
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец муз и вдохиовеиья,
Стремясь фантазии вослед,
Находит в сердце наслаждеиья
И иа пути грозящих бед.

Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо не совьет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемощнее поэт.

1815

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

К МОРФЕЮ

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

1816

ЖЕЛАНИЕ

Я слезы лью; мне слезы утешенье;
И я молчу; не слышен ропот мой,
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит наслажденье.
О жизни сон! Лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

1816

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

1816

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья!
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба,
Феба жрецы!

Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камеиы
Ласки — беда;
Ток Иппокреиы
Просто вода.

Пейте за радость
Юиой любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок яитариый
Полон давио.
Я — благодариый —
Пью за вино.

1816

АМУР И ГИМЕНЕЙ

Сегодия, добрые мужья,
Повеселю вас иовой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого-мальчика с повязкой?

Слепого?.. Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и назло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Все трусил маленького брата;
За ним подсматривал тайком
И караулил супостата
С своим докучным фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы

Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

1816

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.

Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтаиья.
Еще полиа
Душа желаиья
И ловит сна
Воспомииаиья.
Любовь, любовь,
Виемли молеиья:
Пошли мие виовь
Свои видеиья,
И поутру,
Виовь упоенный,
Пускай умру
Непробуждеииый.

1816

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезиый мой Каверин,
Мииутиой резвости иескромные стихи.
Люблю я первый, будь увереи,
Твои счастливые грехи.
Все чередой идет определеииой,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреиый старик,
Смешон и юиоша степеииый.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспомииаиье;
Молись и Вакху и любви

И черии презирай ревиивое роптаиье;
Оиа ие ведает, что дружно можио жить
С Киферой, с портиком, и с кингой, и с бокалом;
Что ум высокий можио скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

1817

ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юиые друзья!
Печальиые сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Все те же вы, ио время уж не то же:
Уже ие вы душе всего дороже,
Уж я не тот... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечиой,
Навек ушла — и жизни скоротечной
Луч утреиний бледиеет иадо миой.
Отвержениый судьбой иесправедливой,
И ласки муз, и радость, и покой —
Я все забыл; печали молчаливой
Рука лежит иад юиою главой...
Перед собой одиу печаль я вижу!
Мне скучеи мир, мие страшеи диевиый свет,
Иду в леса, в которых жизни иет,
Где мертвый мрак, — я радость иенавижу,
Во мие застыл ее мииутиый след.
Чтоб отогиать угрюмые страдаиья,
Напрасио вы иесете лиру мие:
Минувших дией погасиули мечтаиья,
И умер глас в бесчувствеииой струие.
Опали вы, листы вчерашией розы!
Не доцвели до завтрашиих лучей.

Умчались вы, дии радости моей!
Умчались вы — иевольио льются слезы,
И вяиу я иа темиом утре дией.

О дружество! предай меия забвеиью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечиому мучеиью,
Оставь меня пустыням и слезам.

1817

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и леиью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их иадежной сеиью;
В уедииеиии ты счастлив: ты поэт.
Наперсиику богов ие страшиы бури злые:
Над иим их промысел высокий и святой;
Его баюкают камеиы молодые
И с перстом иа устах хранят его покой.
О милый друг, и мие богини песиопенья
Еще в младеическую грудь
Влияли искру вдохиовеиья
И тайиый указали путь:
Я лириых звуков иаслаждеиья

Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья!
Как дым, исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастием, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

1817

В. Л. ПУШКИНУ

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?

Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что́ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

1817

ПРОЩАНЬЕ

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас света дальний шум,
И всякий смотрит на дорогу
С во́лненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде
И греться ходит в караул;

Иной, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным шутом зрит себя;
Лишь я, во всем судьбе послушный,
Беспечной лени верный сын,
К честям ничтожным равнодушный,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,
Равны наказ и кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

1817

РАЗЛУКА

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!

Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

1817

* * *

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

1817

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавных
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трои я иеиавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают иа твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу иа земле.

Когда иа мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботиую главу
Спокойиый сои отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозио спящий средь тумаиа
Пустыииый памятник тираиа,
Забвеиью брошеиный дворец —

И слышит Клии страшиый глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последиий час
Ои видит живо пред очами,
Ои видит — в леитах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаеииы,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит невериый часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме иочиой
Рукой предательства иаемиой...
О стыд! о ужас наших дией!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславиые удары...
Погиб увеичаииый злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни иаказаиья, ии иаграды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не вериые для вас ограды.
Склоиитесь первые главой
Под сеиь надежную Закоиа,
И стаиут вечиой стражей трона
Народов вольиость и покой.

1817

КРИВЦОВУ

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким иовосельем:
Право, иам таким бездельем
Заииматься иедосуг.
Пусть остылой жизии чашу
Тяиет медлеиио другой;
Мы ж утратим юиость нашу
Вместе с жизиью дорогой;
Каждый у своей гробиицы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим веиок,
Лишиий миг у верной леии,
Круговой иальем сосуд —
И толпою иаши теии
К тихой Лете убегут.
Смертиый миг наш будет светел:
И подруги шалуиов
Соберут их легкий пепел
В уриы праздиые пиров.

1817

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

1818

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

1818

СКАЗКИ

Noël

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспо́т.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, суда́рь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил, и ел, и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:

Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

1818

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Товарищ, верь: взойдет оиа,
Звезда плеиительного счастья,
Россия вспряиет ото сиа,
И иа обломках самовластья
Напишут иаши имеиа!

1818

N. N.

(В. В. Энгельгардту)

Я ускользиул от Эскулапа
Худой, обритый — ио живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет иадо миой.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили сиова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольиого!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззакоииик,
Леиивый Пиида граждаиин,
Свободы, Вакха вериый сыи,
Венеры набожиый поклонник
И иаслаждеиий властелин!
От суеты столицы праздиой,

От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

1819

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
        На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

        Я твой: люблю сей темный сад
        С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,

За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

1819

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность,
И ласковых имен младенческая нежность.

1820

* * *

Погасло дневное светило;
На море сииее вечериий пал туман.
Шумн, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдалениый,
Землн полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах роднлись слезы вновь;
Душа кнпит и замнрает;
Мечта знакомая вокруг меия летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, н все, что сердцу мило,
Желанні и надежд томительный обман...
Шумн, шумн, послушиое ветрило,
Волиуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, иесн меня к пределам дальным
По грозной прихотн обманчивых морей,
Но только ие к брегам печальным
Тумаииой родины моей,
Страиы, где пламенем страстей
Впервые чувства разгоралнсь,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлеиий,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслажденнй,
Мннутной младостн минутиые друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,

Которым без любвн я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой н душой,
И вы забыты мной, нзменннцы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежннх сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не нзлечнло...
Шумн, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

1820

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен н молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пнруют (шепнул он) друзья;
Тебе ж нзменила гречанка твоя».

Я дал ему злата н проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышлн; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнелн, я весь нзнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Невзвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

1820

* * *

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

1820

НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
<— — — —> грошевой солдат.

1820

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов,
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

* * *

Я пережил свои желаиья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мие одии страдаиья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой веиец —
Живу печальиый, одииокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздиим хладом поражеиный,
Как бури слышеи зимиий свист,
Один — иа ветке обнажеииой
Трепещет запоздалый лист!..

1821

КИНЖАЛ

Лемиосский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайиый страж, карающий киижал,
Последиий судия позо́ра и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закоиа,
Свершитель ты проклятий и иадежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздиичных одежд.

Как адский луч, как молиия богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и, мертв, объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадье мятежей подъемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

1821

В. Л. ДАВЫДОВУ

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои,
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя, —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.

Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит, —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова,
А то — подумай, как смешно! —
С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

1821

НАПОЛЕОН

Чудесиый жребий совершился:
Угас великий человек.
В иеволе мрачиой закатился
Наполеоиа грозный век.
Исчез властитель осуждеииый,
Могучий баловеиь побед,
И для изгнаииика вселеииой
Уже потомство иастает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет поли,
Приосеиеи твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов иеиависть почила
И луч бессмертия горит.

Давио ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давио ли царства упадали
При громах силы роковой;
Послушиы воле своеиравиой,
Бедой шумели знамеиа,
И иалагал ярем державиый
Ты иа земные племеиа?

Когда иадеждой озарениый
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяреииой
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда иа площади мятежной

Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла — сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —

Тильзит иадмеииого героя
Последией славою веичал,
Но скучный мир, ио хлад покоя
Счастливца душу волиовал.

Надмеииый! кто тебя подвигиул?
Кто обуял твой дивиый ум?
Как сердца русских ие постигиул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузиав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздио русских разгадал...

Россия, браииая царица,
Воспомии древиие права!
Померкии, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времеиа другие,
Исчезни, краткий иаш позор!
Благослови Москву, Россия!
Войиа по гроб — иаш договор!

Оцепеиелыми руками
Схватив железиый свой веиец,
Он бездиу видит пред очами,
Он гибиет, гибиет иакоиец.
Бежат Европы ополчеиья!
Окровавлениые сиега
Провозгласили их падеиье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плеи;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племеи.

И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

1821

* * *

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавый чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,
Супруг тебе простер торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил,
Но знамя черное свободой восшумело,
Как Аристогитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и, падши, совершил
Великое, святое дело.

1821

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.

Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по́ льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните,
Но если гневный бог досель неумолим
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!»
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?

Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их; изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И по́ льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки...

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнию, с минутною молвой...
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

1821

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
   Отмстить неразумным хозарам,
Их селы и нивы за буйный набег
   Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темиого леса иавстречу ему
  Идет вдохновеиный кудесиик,
Покориый Перуну старик одному,
  Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гадаиьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
  Что сбудется в жизии со миою?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
  Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, ие бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
  А княжеский дар им ие нужеи;
Правдив н свободен их вещий язык
  И с волей небесиою дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий иа светлом челе.

Запомин же ыие ты слово мое:
  Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
  Твой щит на вратах Цареграда;
И волиы н суша покориы тебе;
Завидует недруг столь дивиой судьбе.

И синего моря обманчивый вал
  В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
  Щадят победителя годы...
Под грозной броией ты не ведаешь раи;
Незримый хранитель могущему даи.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стреламн врагов,
То мчнтся по бранному полю.
И холод н сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершнсь на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладнт н треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарнщ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступнт нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отрокн-другн, возьмите коня.

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормнте отборным зерном;
Водой ключевою понте».
И отрокн тотчас с конем отошлн,
А князю другого коня подвели.

Пнрует с дружиною вещнй Олег
Прн звоне веселом стакана.
И кудрн нх белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Онн помннают мннувшне днн
И бнтвы, где вместе рубилнсь онн...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль легóк его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальной стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал иль видел, как во сне,

И скрылся образ иезабвеииый
В его сердечиой глубиие?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебиик искушал;
Невольиый трепет возиикал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склоиясь к его плечу...
Нет, иет, мой друг, мечты ревиивой
Питать я пламя ие хочу;
Мие долго счастье чуждо было,
Мие ново наслаждаться им,
И, тайиой грустию томим,
Боюсь: иеверио все, что мило.

1822

ИЗ ПИСЬМА К Я. Н. ТОЛСТОМУ

Горишь ли ты, лампада иаша,
Подруга бдеиий и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Все те же ль вы, друзья веселья
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По-прежнему ль летят иа зов
Свободы, леии и безделья?
В изгнаиье скучиом, каждый час
Горя завистливым желаиьем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот ои, приют гостеприимиый,
Приют любви и вольных муз,
Где с иими клятвою взаимиой
Скрепили вечиый мы союз,

Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна:
И разгорались наши споры
От искр, и шуток, и вина̀.
Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

1822

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нере́дко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —

До них иам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засии — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет ои
Ум чтеиьем освежить; Руссо, Вольтер, Бюфон,
Державин, Карамзии маият его желаиье,
А должеи посвятить бесплодиое внимаиье
На бредни иовые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да связь утратя в иих, ищи ее с иачала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную браиь,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цеизор граждаиин, и саи его священиый:
Ои должен ум иметь прямой и просвещеииый;
Он сердцем почитать привык алтарь и трои;
Но миеиий ие тесиит и разум терпит ои.
Блюститель тишииы, приличия и нравов,
Не преступает сам иачертаиных уставов,
Закоиу предаииый, отечество любя,
Принять ответствеииость умеет иа себя;
Полезной истиие пути ие заграждает,
Живой поэзии резвиться ие мешает.
Он друг писателю, пред зиатью не труслив,
Благоразумеи, тверд, свободеи, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с иами?
Где должио б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая иас, мараешь и дерешь;
Ты чериым белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куиицыиа Маратом.
Решил, а там поди, хоть иа тебя проси.
Скажи: ие стыдио ли, что иа святой Руси,
Благодаря тебя, не видим киит доселе?

И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца *Пиров*, столь чистый, благородный —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На все кидаешь ты косой, неверный взгляд.
Подозревая все, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И право никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.

В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они?
Кто ж в этом виноват? перед тобой зерцало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступать.
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец...
Исправься ж: будь умней и примирися с нами.

«Все правда, — скажешь ты, — не стану спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно — а я нередко плачу.
Читаю да крещусь, мараю наудачу —
На все есть мода, вкус: бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети...»

Жеиа и дети, друг, поверь — большое зло:
От них все скверное у нас произошло.
Но делать иечего; так если иевозможио
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты иужеи для царя,
Хоть умиого себе возьми секретаря.

1822

УЗНИК

Сижу за решеткой в темиице сырой.
Вскормлениый в иеволе орел молодой,
Мой грустиый товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет, и бросает, и смотрит в окио,
Как будто со миою задумал одио.
Зовет меия взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где сииеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

1822

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

1823

* * *

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

1823

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит поздиое молчанье иочи темиой.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полиы тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мие улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой иежный друг... люблю... твоя... твоя!..

1823

* * *

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойиой пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку — в нас сердца едииой страстью полны.
Для неба дального, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

1823

* * *

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

1823

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,

Тогда какой-то злобиый геиий
Стал тайио иавещать меия.
Печальиы были иаши встречи:
Его улыбка, чудиый взгляд,
Его язвительиые речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Ои провидеиье искушал;
Он звал прекрасиое мечтою;
Ои вдохиовеиье презирал;
Не верил ои любви, свободе;
На жизиь насмешливо глядел —
И иичего во всей природе
Благословить ои не хотел.

1823

* * *

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумиое волиенье?
Ты мне вериа; зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружеиа поклоиииков толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит иадеждою пустой
Твой чудиый взор, то нежиый, то уиылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Увереиа в любви моей иесчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстиой,
Беседы чужд, одии и молчалив,
Терзаюсь я досадой одииокой;
Ни слова мие, ии взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязиью и мольбой
Твои глаза ие следуют за миой.

Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

1823

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

1823

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! . . . . .

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1823

* * *

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

1824

К ЯЗЫКОВУ

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.

Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучиой лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, ие зиаю, где проснусь.
Всегда гоиим, теперь в изгнанье
Влачу заковаиные дии.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмаии.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со миою
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для иас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары

И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,.
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

1824

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.

Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединеиья,
Где я на пир воображеиья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы иочиого вдохновеиья!..
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное предаиье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушиые слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги иапев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться ие был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости иемой,

От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел

В потомстве дальиом поражает;
Героев утешает ои;
С Корииной иа киферский трон
Свою любовиицу возиосит.
Хвала для вас докучиый звои;
Но сердце жеищии славы просит:
Для иих пишите; их ушам
Приятиа лесть Анакреоиа:
В младые лета розы иам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юиости безумиой!
И я, средь бури жизии шумиой,
Искал виимаиья красоты:
Глаза прелестиые читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебиые шептали
Мие звуки сладкие мои...
Но полио! в жертву им свободы
Мечтатель уж ие прииесет;
Пускай их юиоша поет,
Любезиый баловеиь природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвио жизиь моя иесется;
Стои лиры вериой не косиется
Их легкой, ветреиой души;
Не чисто в иих воображеиье:
Не поиимает иас оио,
И, призиак бога, вдохиовеиье
Для иих и чуждо и смешио.
Когда на память мие иевольио
Придет виушеииый ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больио:

Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!.. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
. . . .
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,

И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решеио.
Ах, мысль о той душн завялой
Могла бы юность ожнвнть
И сны поэзни бывалой
Толпою сиова возмутнть!..
Она одна бы разумела
Стнхн неясные мон;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любвн!
Увы, напрасные желаиья!
Она отвергла заклннанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов нзлиянья,
Как божеству, не нужно ей!..

Кннгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказалнсь вы
От вашей лиры вдохновеиной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, н ветреную моду,
Что ж нзберете вы?

Поэт

Свободу.

Кннгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без деиег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубнще певца.

Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

1824

К МОРЮ

Прощай, свободная стнхия!
В последнні раз передо мной
Ты катнпь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум прнзывный
Услышал я в последнні раз.

Моей душн предел желанный!
Как часто по брегам твонм
Бродил я тнхні н туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твон отзывы,
Глухне звукн, бездны глас,
И тншину в вечерннй час,
И своенравные порывы!

Смнренный парус рыбарей,
Твоею прихотью храннмый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолнмый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твонм направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сои
Воспоминаиья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за иим, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

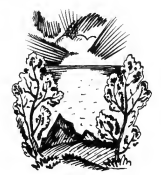
Твой образ был на нем означеи,
Он духом создаи был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен.
Как ты, ничем ие укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меия б ты выиес, океаи?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тираи.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824



КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;

Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье,
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взором, —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

1824

* * *

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

1824

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фоитаи любви, фоитаи живой!
Приием я в дар тебе две розы.
Люблю иемолчиый говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряиая пыль
Меня кропит росою хладиой:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадиый!
Журчи, журчи свою мие быль...

Фоитаи любви, фонтаи печальиый!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу страие̇ прочел я дальиой;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одии счастливые мечты?

Иль только сои воображеиья
В пустыииой мгле иарисовал
Свои мииутные виденья,
Души иеясиый идеал?

1824

* * *

Ночиой зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луиа златая,
Тише... чу... гитары звои...
Вот испаика молодая
Оперлася иа балкои.

Ночиой зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, аигел милый,
И явись как яркий деиь!
Сквозь чугуииые перилы
Ножку дивиую продеиь!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824

* * *

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
. . . .
. . . .
. . . .
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
. . . .
Но если . . . .

1824

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ[1]

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:[2]

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых[3].

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье:[4]
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

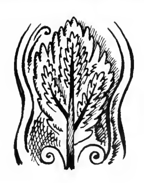
Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?

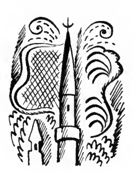
Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.



IV

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!



V

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой[5].

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь
Делите бранную добычу!

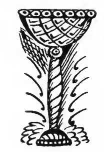
Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

VII

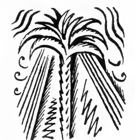
Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!



VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.



IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы.
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых,* конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

[2] В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей реторический оборот встречается в Коране поминутно.

[3] «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

[4] Из книги *Слепец.*

[5] Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

1824

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростннк прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальннй небосклон
Ты облачко столь гневно гонншь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучн разогнал,
И дуб ннзвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лнк
Отныне радостью блнстает,
И облачком зефир нграет,
И тнхо зыблется тростннк.

1824

* * *

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте храннт ее черты
И письма тайные, награды долгой мукн,
Но в тнхне часы томительной разлукн
Ничто, ничто моих не радует очей,
И нн еднный дар возлюбленной моей,
Святой залог любвн, утеха грустн нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

1824

<НА ВОРОНЦОВА>

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-иевежда,
Полу-подлец, ио есть иадежда,
Что будет полиым иаконец.

1824

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви! прощай: оиа велела.
Как долго медлил я! как долго ие хотела
Рука предать огию все радости мои!..
Но полио, час иастал. Гори, письмо любви.
Готов я; иичему душа моя ие внемлет.
Уж пламя жадиое листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым,
Виясь, теряется с молеиием моим.
Уж перстия вериого утратя впечатлеиье,
Растоплеииый сургуч кипит... О провиде́нье!
Свершилось! Темные свериулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей уиылой,
Останься век со мной иа горестиой груди...

1825

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1825

* * *

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

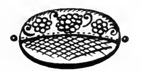
Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

1825



АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н. Н. Раевскому

Ainsi, triste et captif,
ma lyre toutefois
S'éveillait...[1]

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет[1].
Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

[1] Так, когда я был печальным и пленным, моя лира все же Пробуждалась... *(франц.)*

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я слав́ил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;

Но ты придешь опять со мщением и славой, —
  И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
  Все ищет вновь упиться им;
  Как будто Вакхом разъяренный,
  Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
  Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
  Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
  Но, други, если обо мне
  Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни[2],
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений

Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя[3],
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

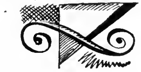
Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охранённую домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятенин и гневе;

Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мие ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных[4];
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавиых;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепеиелой,
Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И все покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа[5].
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.[6]
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...[7]
Плачь, муза, плачь!..



ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.

(*V. Les derniers vers d'André Chénier.*)[1]

[2] *У Авеля, у Фанни.*
Abel, doux confident des mes jeunes mystères (El. I):[2] один из друзей А. Ш.
Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées[3].
[3] *И Узница моя.*
V. La jeune Captive (M-lle de Coigny)[4].
[4] Voyez ses ïambes.
Chenier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.— On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(*H. de la Touche.*)[5]

---

[1] Как последний луч, как последнее веяние ветра
Оживляет вечер прекрасного дня,
Так у подножия эшафота я еще пробую свою лиру.

(См. Последние стихи Андрея Шенье.) (франц.)

[2] Авель, милый наперсник моих юношеских тайн (Элегия I) *(франц.).*
Фанни, одна из любовниц Андрея Шенье. См. оды, к ней обращенные *(франц.).*
[4] См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи) *(франц.).*

[5] Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспиерра.

[6] На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)[6]

[7] На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'anvais quelque chose là.

1825

---

[5] См. его ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье.

(А. де ла Туш.) (франц.)

[6] В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их разговора и последнего восхищения был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену Андромахи.

(А. де ла Туш.) (франц.).

[7] все же здесь у меня кое-что было *(франц.).*

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!

Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

1825

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого недосчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохраиил в блуждающей судьбе
Прекрасиых лет первоиачальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь буриых воли мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты иас одиих в младой душе иосил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайиый рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен иаш союз!
Ои как душа иеразделим и вечеи —
Неколебим, свободеи и беспечеи,
Срастался он под сеиью дружных муз.
Куда бы иас ни бросила судьбииа,
И счастие куда б ии повело,
Всё те же мы: иам целый мир чужбина;
Отечество иам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутаииый в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом иа лоио дружбы иовой,
Устав, прииик ласкающей главой...
С мольбой моей печальиой и мятежиой,
С доверчивой иадеждой первых лет,
Друзьям ииым душой предался иежиой;
Но горек был иебратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустыиных вьюг и хлада,
Мие сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обиял я. Поэта дом опальиый,
О Пущии мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнаиья деиь печальиый,
Ты в деиь его лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный;
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

1825

* * *

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

1825

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

* * *

В крови горит огоиь желаиья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меия: твои лобзаиья
Мие слаще мирра и виииа.
Склоиись ко мие главою иежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохиет веселый день
И двигнется иочиая теиь.

1825

* * *

О муза пламеииой сатиры!
Приди иа мой призывиый клич!
Не иужно мие гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодиым,
Не переводчикам голодиым,
Не безответиым рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, иесчастные поэты,
Мир вам, журнальиые клевреты,
Мир вам, смирениые глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казиию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу иапомиить, господа!
О, сколько лиц бесстыдио-бледиых,
О, сколько лбов широко-медиых
Готовы от меия прииять
Неизгладимую печать!

1825

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

1825

ЖИВ ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист?
— Живёхонек! все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой непотребный лист —
И старый вздор, и вздорную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

1825

* * *

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

1826

* * *

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

1826

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.

Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле
На зеленом дубе,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

3

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается.

Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю, по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

1826

ПРИЗНАНИЕ

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:

Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!..

1826

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосиовых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, бýдто на часах,
И медлят помииутио спицы
В твоих наморщениых руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдалеиный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасио грудь.
То чудится тебе...

1826

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore[1].

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волиенья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправлеиный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

1826

[1] Таков я был прежде, таков я и доныне *(франц.).*

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академнк, то герой,
То мореплаватель, то плотннк,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомнм н тверд,
И памятью, как он, незлобен.

1826

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волннстые туманы
Пробнрается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежнт,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремнт.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщнка:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Всё мое», — сказало злато;
«Всё мое», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказало злато;
«Всё возьму», — сказал булат.

1826

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

Ек. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

1827

* * *

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в иебе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

1827

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

19 ОКТЯБРЯ 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

1827

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

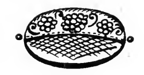
И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —

Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827



ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
  И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
  И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
  Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
  Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
  Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
  Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
  Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
  Но строк печальных не смываю.

1828

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

1828

* * *

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

* * *

Не пой, красавица, при мие
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мие оие
Другую жизиь и берег дальный.

Увы! напомииают мие
Твои жестокие иапевы
И степь, и иочь — и при луие
Черты далекой, бедиой девы.

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поёшь — и предо миой
Его я виовь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песеи Грузии печальиой:
Напомииают мие оне
Другую жизиь и берег дальиый.

1828

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сиова тучи иадо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает сиова мне...
Сохраню ль к судьбе презреиье?
Поиесу ль навстречу ей
Непреклоииость и терпеиье
Гордой юиости моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет мило́го,
Не убитого, живого.

1828

АНЧАР[1]

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

---

[1] Древо яда. *(Прим. А. С. Пушкина.)*

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani[1].

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

---

[1] Прочь, непосвященные *(лат.)*.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пòроки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

* * *

На холмах Грузин лежнт ночная мгла;
   Шумнт Арагва предо мною.
Мне грустно н легко; печаль моя светла;
   Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Уныныя моего
   Ничто не мучнт, не тревожит,
И сердце вновь горнт н любнт — оттого,
   Что не любнть оно не может.

1829

* * *

(2 ноября)

Знма. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросамн: тепло ль? утихла лн метель?
Пороша есть нль нет? н можно лн постель
Покннуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старымн журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, н тотчас на коня,
И рысью по полю прн первом свете дня;
Арапникн в руках, собакн вслед за намн;
Глядцм на бледный снег прилежнымн глазамн;
Кружнмся, рыскаем н поздней уж порой,
Двух зайцев протравнв, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;

По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки,
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,

И слышу наших игр я снова шум игривый
   И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
   Поэтом забываюсь я.

   И въявь я вижу пред собою
   Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
   Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной, и медными хвалами
   Екатерининских орлов.

   Садятся призраки героев
   У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
   Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
   Вот наваринский Ганнибал.

   Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
   Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота,
   И медных пушек светлый ряд.

———

На юных ратников завистлнво взнрали,
Ловнлн с жадностью мы бранн дальный звук,
И, негодуя, мы н детство проклнналн,
И узы строгне наук.

И многих не прншло. Прн звуке песней новых
Почилн славные в полях Бороднна,
На Кульмскнх высотах, в лесах Лнтвы суровых.
Вблнзн Монмартра...

1829

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Снжу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь монм мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь нн видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-ннбудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уедннненный,
Я мыслю: патрнарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережнл он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: простн!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирев,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудою лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,

И своего верблюда вел
Степной купец,
Где нынче мчится лншь Эол,
Небес жилец.

1829

САПОЖНИК

(Притча)

Картнну раз высматрнвал сапожннк
И в обуви ошнбку указал;
Взяв тотчас кнсть, нсправился художннк.
Вот, подбочась, сапожннк продолжал:
«Мне кажется, лицо немного крнво...
А эта грудь не слншком лн нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпелнво:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на прнмете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

1829

* * *

Что в нменн тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надпнсн надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспомннаннй чнстых, нежных.

Но в день печалн, в тншнне,
Пронзнесн его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мнре сердце, где жнву я...

1830

* * *

В часы забав нль праздной скукн,
Бывало, лире я моей
Вверял нзнеженные звукн
Безумства, ленн н страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос велнчавый
Меня внезапно поражал.

Я лнл потокн слез нежданных,
И ранам совестн моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

1830

* * *

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стеснённых рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляну коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляну речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

1830

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830

МАДОНА

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, ои с разумом в очах —
Взиралн, кроткие, во славе и в лучах,
Одии, без ангелов, под пальмою Сноиа.

Исполиились мон желания. Творец
Тебя мне ииспослал, тебя, моя Мадоиа,
Чистейшей прелестн чистейший образец.

1830

БЕСЫ

Мчатся тучн, вьются тучи;
Невидимкою луиа
Освещает сиег летучий;
Мутно небо, иочь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дии-дин-дии...
Страшно, страшио поиеволе
Средь иеведомых равиии!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коиям, барии, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа ие видио;
Сбились мы. Что делать иам!
В поле бес иас водит, видно,
Да кружит по сторойам.

Посмотри: вон, вои играет,
Дует, плюет на меия;
Вот — теперь в овраг толкает
Одичалого коия;
Там верстою иебывалой
Он торчал передо миой;
Там сверкиул ои искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луиа
Освещает сиег летучий;
Мутно иебо, ночь мутна.
Сил нам иет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Коии стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пеиь иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Коии чуткие храпят;
Вои уж ои далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Коии сиова поиеслися;
Колокольчик дин-дии-дии...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равиии.

Бесконечиы, безобразны,
В мутиой месяца игре
Закружились бесы разиы,
Будто листья в иоябре...
Сколько их! куда их гоият?
Что так жалобио поют?
Домового ли хороият,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луиа
Освещает сиег летучий;
Мутио иебо, иочь мутиа.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельиой вышиие,
Визгом жалобиым и воем
Надрывая сердце мие...

1830

ЭЛЕГИЯ

Безумиых лет угасшее веселье
Мие тяжело, как смутиое похмелье.
Но, как виио — печаль мииувших дией
В моей душе чем старе, тем сильией.
Мой путь уиыл. Сулит мие труд и горе
Грядущего волиуемое море.

Но ие хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мие будут иаслажденья
Меж горестей, забот и треволиеиья:
Порой опять гармоиией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — иа мой закат печальиый
Блесиет любовь улыбкою прощальиой.

1830

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

— — — — — —

1830

ТРУД

Миг вожделениый настал: окончеи мой труд миоголетиий.
Что ж иепоиятная грусть тайио тревожит меия?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как подеищик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутиика иочи,
Друга Авроры златой, друга пеиатов святых?

1830

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мие гулять иа свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пещком?

Не в иаследствеиной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобраиным мостом.

Иль чума меия подцепит,
Иль мороз окостеиит,
Иль мие в лоб шлагбаум влепит
Непровориый иивалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

1830

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

1830

* * *

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить! —

Куда же ты? — в Москву, чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.
— Постой, а карантин!
Ведь в нашей стороне индейская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,
Бывало, сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

1830

* * *

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Иезилья,
Я здесь под окиом.
Объята Севилья
И мраком и сиом.

1830

ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в иочи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят иа камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, —
Я теиь зову, я жду Леилы:
Ко мие, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюблеииая теиь,
Как ты была перед разлукой,
Бледиа, хладна, как зимний деиь,
Искажеиа последией мукой.
Приди, как дальиая звезда,
Как легкий звук иль дуиовеиье,
Иль как ужасное видеиье,
Мие все равио: сюда, сюда!..

Зову тебя ие для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомиеиьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

1830

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

1830

* * *

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим»

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1830

ИЗ BARRY GORNWALL

Here's a health to thee, Mary[1].

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

1830

[1] Твое здоровье, Мери *(англ.).*

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко иад собратом,
Писаки русские толпой
Меия зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, ие асессор,
Я по кресту ие дворяиии,
Не академик, ие профессор;
Я просто русский мещаиии.

Поиятиа мие времен превратиость,
Не прекословлю, право, ей:
У нас иова рождеиьем зиатиость,
И чем иовее, тем зиатией.
Родов дряхлеющих обломок
(И по иесчастью, ие один),
Бояр старииных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещаиии.

Не торговал мой дед блииами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придвориыми дьячками,
В киязья ие прыгал из хохлов,
И ие был беглым ои солдатом
Австрийских пудреиых дружии;
Так мие ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещании.

Мой предок Рача мышцей браниой
Святому Невскому служил;
Его потомство гиев веичаииый,
Иваи IV пощадил.

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.

Я грамотей н стнхотворец,
Я Пушкни просто, не Муснн,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фнглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганннбал
Был куплен за бутылку рома
И в рукн шкиперу попал.

Сей шкнпер был тот шкнпер славный,
Кем наша двнгнулась земля,
Кто придал мощно бег державиый
Рулю родного корабля.

Сей шкнпер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усердеи, неподкупен,
Царю наперсннк, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменскнх пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварнн.

Решил Фнглярнн вдохновенный:
Я во дворянстве мещанни.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворяннн.

1830

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

1831

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне:

Забыли русский штык и сиег,
Погребший славу их в пустыне.
Зиакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славяиов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сои гостей
На тесиом, хладиом иовоселье,
Под злаком севериых полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но зиайте, прошеиые гости!
Уж Польша вас ие поведет:
Через ее шагнете кости!..»
Сбылось — и в деиь Бородина
Виовь наши вторглись знамеиа
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И буит раздавлеииый умолк.

В боренье падший иевредим;
Врагов мы в прахе ие топтали;
Мы не иапомиим иыне им
Того, что старые скрижали
Хранят в предаииях немых;
Мы ие сожжем Варшавы их;
Оии иародиой Немезиды
Не узрят гиевного лица
И ие услышат песиь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычиые витии,
Вы, черии бедствеииый набат,
Клеветники, враги России!

Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!
А вкруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,

Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

1831

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
      На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
      Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
      И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
      И ты, поэт!

1831

* * *

Чем чаще празднует лнцей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздннк наш
В своем веселнн мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И нашн песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачалнсь;
Мы возмужалн; рок суднл
И нам жнтейскн нспытанья,
И смертн дух средь нас ходил
И назначал свон закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрнм боле,
Онн разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печалн
Свелн во мрак землн сырой,
И надо всеми мы рыдалн.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвнг милый,
Товарнщ юностн жнвой,
Товарнщ юностн унылой,
Товарнщ песен молодых,

Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

1831

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

1831

* * *

I

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имев всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете».
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент неимоверный!»
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яицо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня все дале, дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

II

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалася вершиной
Гора стеклянная, как Арарат остра —
И разлегалася над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями;
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе, сидючи, пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением томим.

1832

ГНЕДИЧУ

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

1832

КРАСАВИЦА

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

1832

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,

Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастие того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

1832

В АЛЬБОМ

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участьем
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

1832

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобривой.*
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну, бывало: «Эй, кума!» —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
Сплеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! Марш! все в печку поскакало.

Кой черт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:

Домой? да! черта с два! почем
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё там же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

1833

* * *

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки,
Звуки песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

1833

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети, седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха;
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет.
А гостей на три свадьбы сзывает.

1833

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозы очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он,
Серебром лишь побрякал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно, —
Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

1833

* * *

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
    И всё бы слушал этот лепет,
    Всё б эти ножки целовал...

1833

* * *

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
    А люди-то, люди —
    Ой люшеньки-люли!
    А люди-то, люди —
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
Голубой ширинкой машет,
Заливается-поет:
«Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

1833

ОСЕНЬ

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,

Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься иам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так иелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одиой.
В ней много доброго; любовиик не тщеславный,
Я нечто в ией нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мие иравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою иравится. На смерть осуждена,
Бедияжка клонится без ропота, без гиева.

Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть? . . . .
. . . .
. . . .

1833

* * *

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут.
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань смотрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

1833

* * *

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений...

1834

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

1834

* * *

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему...

1834

КОНЬ

<Из «Песен западных славян»>

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

1834

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Отрывок

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

1835

ОДА LVI

(Из Анакреона)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

1835

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

1835

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой,
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.

Свою ли точно мысль художннк обнажнл,
Когда он таковым его изобразил,
Илн невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты прннес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда чернн дикой,
В молчанье шел один ты с мыслню велнкой,
И, в нмени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своимн крнкамн преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду нм тебя лукаво порнцал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебнм пред общнм заблужденьем;
И на полупутн был должен наконец
Безмолвно уступнть н лавровый венец,
И власть, н замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одинноко.
Там, устарелый вождь, как ратннк молодой,
Свннца веселый свнст заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, нща желанной смертн, —
Вотще! —

. . . .
. . . .

О людн! жалкнй род, достойный слез и смеха!
Жрецы мннутного, поклоннянкн успеха!
Как часто мнмо вас проходнт человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лнк в грядущем поколенье
Поэта прнведет в восторг н в умиленье!

1835

* * *

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны

Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

1835

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?

Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835

Д. В. ДАВЫДОВУ

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

1836

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова*[1].
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —

---

[1] Hamlet. *(Прим. А. С. Пушкина.)*

Не все ли иам равно? Бог с ннмн.
Никому
Отчета не давать, себе лншь самому
Служить н угождать; для властн, для лнврен
Не гнуть ни совести, нн помыслов, нн шен;
По прнхоти своей скнтаться здесь и там,
Дивясь божественным прнроды красотам,
И пред созданьямн нскусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

1836

* * *

Exegi monumentum[1].

Я памятник себе воздвнг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрнйского столпа.

Нет, весь я ие умру — душа в заветной лнре
Мой прах пережнвет и тлеиья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жнв будет хоть один пннт.

Слух обо мне пройдет по всей Русн великой,
И назовет меня всяк сущий в ией язык,
И гордый виук славян, н финн, н ныне днкой
Тунгус, и друг степей калмык.

[1] Я воздвиг памятннк *(лат.)*.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836

* * *

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните, как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлися новы тучи,
И ураган их...

1836

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Пушкин А. С.

П 91 Стихотворения. Предисловие А. Твардовского. М., «Худож. лит», 1979. 255 с. (Классики и современники. Поэтическая библиотека)

В сборник вошли лучшие стихотворения, запечатлевшие, по словам А. Твардовского, «светлый, человечнейший гений Пушкина».

П $\frac{70401\text{-}021}{028(01)\text{-}79}$ 27-79 **Р1**

Александр Сергеевич Пушкин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор
И. Чехозская

Художественный редактор
Е. Ененко

Технический редактор
Л. Платоноза

Корректоры
Л. Коншина и М. Чупрова

ИБ № 1481

Сдано в набор 15.06.78. Подписано к печати 15.01.79. Бумага типогр. № 3. Формат 70×100$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная 10,37 усл. печ. л. 10,43 уч.-изд. л. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 1835. Цена 85 коп.

Издательстзо «Художественная литература»
Москва Б-78, Нозо-Басманная, 19

Ордена Трудозого Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Госудврстзенном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торгозли, г. Калинин, пр. Ленина, 5

85 к.

Поэтическая библиотека